

Танец С Господом

Category: Kitapcy

написано kitapcy | 25 января, 2025

Танец С Господом ТАНЕЦ С ГОСПОДОМ

• Лали на ладонях Господа

Я попытался собрать то, что доступно из разных источников о Мире, Мира Баи, индийской поэтессе бхакти шестнадцатого века. Конечно, вряд ли стоит акцентировать внимание на этапах жизни человека, который демонстративно поставил себя вне общества и истории, но именно история сделала Мира Баи персонажем трагедии в шекспировском духе. Осознавали ли это сама Мира, Бог весть, Он же ей единственный судья. Судьба поставила Мира Баи перед неоднократным и страшным выбором между верой и долгом, святым Вриндаваном и мистическим Читторгархом, между царями небесными и земными. Она отказалась совершить «сати» в крепости, которая сделала это трижды. Она прошла свой путь до конца. Она отринула от себя все, что было связано с ее высоким происхождением, но она воплотила в вере истинно раджпутскую жертвенность.

Выражение «трагедия в шекспировском духе» верно в жизни Мира Баи по накалу страстей персонажей, но не по идее сюжета. Шекспир творил в совершенно другую эпоху, писал о людях и для людей. Литература нового времени знает только человека, испытывает обстоятельствами силу человеческого характера. Высших, трансцендентных по отношению к человеку сил ни Шекспир, ни его последователи не знали. В судьбе Мира Баи оказались задействованы силы, во много раз превышавшие потенциал не только женщины, но и целого народа. Тут сошлись в жестокой схватке геополитика и мстительные родовые божества, человеческая любовь и Господь Бог. Жизнь Мира Баи решалась в эстетике античной драмы. Есть герой, бросивший вызов собственной судьбе и явно выраженной воле богов, предельное напряжение духовных сил в борении с непреодолимым и закономерный трагичный итог – смерть героя. Но смерть есть

подвиг, единственное во имя чего стоит жить, то есть такая смерть есть единственный достойный человека финал. И еще повод для катарсиса, духовного очищения и прозрения, примирения с судьбой и богами уже на другом, высшем, не-профаническом уровне. Все это было в жизни Мира Баи.

При ближайшем рассмотрении судьба Мира Баи производит странное впечатление. У меня сложилось ощущение, что все известное нам, оказавшееся на поверхности, не есть подлинная история. Точнее говоря, подлинными являются несколько историй, несколько параллельных потоков событий, которые переплетаются, проявляются одновременно в нескольких узловых точках биографии – а видимое нами является только равнодействующей этих потоков, отчего и производит впечатление странности. Каждый из потоков жизни имеет ценность, каждый логичен и непротиворечив. Во-первых, это судьба Миры, женщины, которая мечтала быть любимой и отвечать все сердцем на чувство мужчины. Во-вторых, это биография рани из Мерта, раджпутки царственного рода в один из самых напряженных периодов истории Индии. В-третьих, это взаимоотношения Кришны и Его гопи, Господа и дживы, любовь, выраженная в стихах и жизни.

Мира по происхождению принадлежала к одной из самых родовитых раджпутских семей. Ее предки считали себя прямыми потомками Куша, сына Рамы, ее династия – кула Ратхор относилась к самой почитаемой среди раджпутов Солнечной линии. Мне трудно сказать, какое отношение имели Солнечные и Лунные династийные линии раджпутов к Солнечной и Лунной династиям эпических времен, но традиционно перечень царственных родов начинается с Солнечной линии. Забегая вперед укажу, что самой прославленной среди раджпутов считается ныне кула Гухилот (нынешнее название Сисодия), за принца которой вышла Мира. Примечательно, что как раз события, происходившие во время жизни Миры, выдвинули кулу Гухилот на первое место среди раджпутских родов. На рубеже пятнадцатого и шестнадцатого веков Гухилоты, владыки Мевара, тоже не бросались своей честью, выбор в качестве невестки девушки из Ратхоров ставил на родовитости Миры клеймо высочайшей пробы.

Отцом Миры был Джаймал Ратхор, владелец города-крепости Мерта

и маленького раджпутского княжества. Правда, Мира с детства воспитывалась в доме своего деда Дуда Ратхора. В его дворце она впервые познакомилась с настоящими бхактами, своими дальними родственниками. Раджпуты были индуистами, но бхакты среди них были скорее исключениями. Раджпуты предпочитали умирать за веру предков, свою и подчиненных им каст, влезать в богословские рассуждения и проповедовать экстатическую любовь к Господу им было не досуг.

Однажды мать в шутку сказала дочери, заигравшейся с куклой Кришны: «Он, наверное, будет твоим женихом». Шутка обернулась правдой, причем мать наверняка дала бы отрезать себе язык, если бы знала, к каким это приведет последствиям. Раджпуты жили в мире, где Слово не было истаскано как последняя шлюха, в том мире, в котором живем мы, в мире словесных шаблонов и пустых фраз, словесного мусора. Для них слово было реальностью, оно рождалось, имело человека, породившего его и отвечающего за судьбу своего творения. Слово жило годами, десятилетиями, пока судьба не развязывала все завязанные им узлы. Слово матери Мира Баи прожило почти семьдесят лет и сделало трагедией не одну человеческую судьбу. Оно обручило Мира Баи и Господа. Девочка видела в Нем товарища детских игр, беззаботного проказника, повзрослев, полюбила неизменно прекрасного юношу.

В 1516 году, восемнадцати лет от роду, Миру выдали замуж за принца Бходжраджа из Читтора, сына раны (царя) Санграм Синга, попросту Санги. Тут начинаются странности, коими изобилует жизнь Мира Баи. Вызывает недоумение столь поздний срок свадьбы. У царственных раджпутов было в обычае объявлять о помолвке потенциальных женихов и невест еще в детстве, как можно раньше скреплять их узами, после чего дожидаться, пока невеста не входила в возраст первого чадорождения и тогда отсылать ее к жениху для фактического исполнения супружеского долга. Так как главной обязанностью индуиста было продолжение рода, дабы не прерывалось вечное жертвоприношение богам, то всеми действиями обеспечивалось проведение в оптимальные сроки возможно ранней здоровой беременности. Если учесть, что у раджпутов юноши принимали участие в боях с 12 лет,

следовательно, могли быть убиты, не оставив потомства, то затягивать на несколько лет фактическое замужество было весьма странным. В Индии считается нормальным появление детей у четырнадцатилетних матерей. Почему Мира Баи не попала во дворец Читтора несколькими года раньше? Что противодействовало тому: здоровье брачующихся, политические сложности или страстное желание Миры и ее Божественного возлюбленного продлить свою любовь?

И почему замужество Мира Баи оказался бездетным?

Подчеркну еще раз обстоятельство: брак для индусов означал и означает религиозный обряд, возможность дать жизнь новому поколению. Потенциальные муж и жена оцениваются в первую очередь с данной точки зрения, перед помолвкой проводится огромная подготовительная работа по выяснению совместимости обоих потенциальных продолжателей дхармы. Отрасли медицины и астрологии, занимающиеся браком, самые развитые в индийской традиции. Малейший внешний признак, намекающий на неплодовитость невесты, аннулировал помолку, хотя бы она была идеальной с других точек зрения. Для раджпутов данное правило ужесточалось, так рождался не просто потомок, а наследник. Его принадлежность к высокому роду, физические и моральные качества еще до рождения ни у кого не могли вызывать сомнение. Если по какой-то причине брак оказывался бездетным, раджпуту полагалось брать других жен и через них продолжать род. В царственных родах появление лишних действующих лиц вносило, говоря по-современному, дополнительный элемент неопределенности, давало лишний повод для интриги, что не приветствовалось. Тот факт, что помолвка была заключена, более того, спустя некоторое время еще одна девушка из Ратхоров вошла в семью Гухилотов и подарила роду мужа наследника престола, означал, что сомнений в способности Мира Баи дать жизнь новому поколению владык Мевара ни у кого не возникало. Все источники отмечают красоту Мира Баи. Слово «красота» следует понимать не в эстетическом смысле, а с функциональной точки зрения. Попросту, Мира Баи была цветущей здоровой женщиной, способной продолжить род. Тогда в чем причина шестилетнего бесплодного замужества? В здоровье кого-то из

супругов или опять взаимоотношения с Кришной повлияли на земную судьбу женщины? Можно представить, как терзалось сердце Мира Баи от противоречивых желаний. Инстинкт здоровой женщины желал обрести смысл жизни в материнстве, того же требовали родичи мужа, а ее сердце было отдано совсем другому.

Следует еще пояснить, что значил тогда Читтор (слово гарх означает просто крепость).

Читтор был не просто столицей Мевара, одного из самых мощных раджпутских княжеств, которые не одно столетие противостояли натиску мусульман и сохраняли индуизм в Индии. Он уже был прославлен навеки массовым героизмом во время своего падения в 1303 году. По преданию, один из самых последовательных и жестоких притеснителей всего индийского делийский султан Алауд-дин Хильджи воспылил заочной страстью к жене владельца Читтора. Сила была на его стороне, ему удалось обманом заманить владельца Читтора в плен и условием освобождения он потребовал отдать ему прекрасную рани Падмини. Несколько сотен смертников отправились в лагерь осаждавших с царицей под видом ее служанок. Они погибли все, но владеец Читтора с супругой вернулись в крепость. Вернулись только за тем, чтобы убедиться, что крепость не удержать. Тогда в назначенный день все воины в шафрановых жертвенных одеждах вышли из ворот крепости на самоубийственную битву – жертвоприношение «шака», а их жены и дети совершили массовое самоубийство «джаухар».

Этот обычай считается чисто раджпутским и довольно часто применялся в клановых усобицах. Согласно кодексу чести «раджпути» победитель, которому доставалась обезлюдившая крепость, чьи защитники все до единого погибли под стенами, а жены и дети уже сгорели в погребальных кострах в специальных подземельях, навлекая на себя неблагоприятные кармические последствия и поступая против раджпутской чести. Погибшие ценой своей смерти подтверждали связь клана с родной землей, вследствие чего новый владеец оказывался лишним. Во время обоих самоубийств делалось все возможное и невозможное для спасения наследников клана. Если победитель все же шел против кодекса чести «раджпути» и захватывал землю, на стороне выросшего и отправившегося в поход за отцовым наследством

нового поколения клана оказывалась моральная и материальная поддержка всех остальных раджпутов. Бывшему победителю оставалось только подобру-поздорову уносить ноги.

Мусульмане и англичане не вдавались в тонкости «раджпути», их интересовал только результат. В этом случае «шака» выглядела в первую очередь как бессмысленное самоубийство. Только со временем, когда на примере погибших воспитывалось новое поколение воинов и они, несмотря на все жертвы, отвоевывали обратно свои крепости и земли, завоеватели пришли к выводу, что раджпутов лучше не доводить до «шака — джаухара» и воевать с ними по-другому. Раджпуты слишком буквально понимали слово честь и долг, пепел стучал в сердца не одному поколению. Так случилось и в тот раз. Спустя десятилетие клан Гухилот вернулся на родные развалины и с тех пор Читтор стал символом самого бескомпромиссного сопротивления мусульманам.

В начале шестнадцатого века династия Гухилотов стала претендовать на лидерство в борьбе с мусульманами. Раджпуты в принципе не были способны к организации и мобилизации, их интересы редко выходили за межевые камни своих владений, а вся их политика сводилась к удержанию собственных вотчин и захвату чужих. Они героически дрались за свое, к сожалению, своими для них были только интересы клана, нескольких десятков ближайших родичей. К мусульманам в Индии к тому времени как-то привыкли и они не воспринимали как нечто абсолютно чужеродное. Индуистские раджи несколько столетий подряд не могли объединиться и начать поход за святую Арьяварту. Собрать воедино разношерстную компанию, подвигнуть на что-то большее могли только прирожденные и очень удачливые лидеры.

Таким был рана Санга, свекор Мира Баи. Рана Санга буквально стал легендой при жизни, он провел сто битв, был восемьдесят раз ранен, жестоко искалечен и все ради того, чтобы держать в страхе пол-Индии. Рани из Мерта, так называли Мира Баи после замужества, входила в семью, которая реально могла начать индийскую реконкисту. Мира должна была соответствовать высокому званию и пожертвовать всем ради общей цели. Ее согласия никто не спрашивал, она была раджпуткой и она жила для того, чтобы исполнить свой долг.

Рана Санга копил силы и исподволь подбирался к тому, чтобы бросить вызов делийским султанам и объединить по ведическим традициям север Индии. Ему фатально не повезло, он опоздал буквально на несколько лет. На шахматной доске Индии, состоящей из множества клеточек индуистских и мусульманских царств, появилась новая фигура в ранге никак не меньше ферзя. После этого все хитроумные многоходовые комбинации оказались просто сметены с игрового поля. То был Бабур, прямой потомок Чингисхана и Тимура, на беду индусов унаследовавший стратегический и организационный таланты обоих предков. Родичи изгнали его из среднеазиатской вотчины и он с верной дружиной уходил на юго-восток, захватывая города, расширяя завоевания, теряя опорные пункты и завоевывая новые. Конечным этапом его полной приключений и тягот жизни стала Индия. Возможно, первоначально по примеру Тимура он хотел ограничиться только грабежом самой богатой страны в мире. Так без лишних затей поправляли свое финансовое положение многие мусульманские владыки. Из Афганистана он совершил четыре похода в Индию и всякий раз возвращался с победой и добычей. Легкая победа над делийским султаном в пятом походе в 1525/26 годах заставила Бабура изменить планы. С тех пор судьба его потомков, Великих Моголов, оказалась связана с Индией. Моголы были поистине великими. Впервые после легендарного Ашоки, современника эллинистических монархий, они смогли объединить большую часть Индии. Раджпуты были самыми активными участниками этого процесса, и как верные союзники Моголов и как самые непримиримые противники.

Это было немного позже, а самые первые года рана Санга собрал все наличные силы, верных союзников и поставил свою удачу на кон в борьбе с теми, кто вырвал победу из его рук. Он собрал под своим стягом — золотое солнце на алом фоне — войска семи княжеств и восьмисот мелких феодалов, что для раджутов было чудом единения. В битве при Кхануа в 1527 году артиллерия Моголов отбила яростную атаку раджутов, после чего организация победила храбрость. Раджпуты воевали доблестно, по-рыцарски, Моголы — как истинные монголы, то есть по-умному. Бабур сохранил резерв и в критический момент бросил его в бой.

Хуже вооруженные и уступавшие по численности союзники Моголов разбили деморализованных неудачей и ранением вождя раджпутов. Рана Санга скончался спустя несколько лет от ран и горя, его приемником ненадолго стал Ратан Сингх, младший деверь Миры. Внешнеполитическая обстановка и внутренняя интрига расколола династию. Одна из жен раны Санги, Кармити, оспорила выбор наследника и вместо него выдвинула своего собственного сына. Она засела в соседней неприступной крепости и оттуда умоляла Моголов, сперва Бабура, а потом его сына Хумаюна, вступить за слабую женщину и «раджпуты». Нетрудно догадаться, как рады были пришельцы распре среди самых влиятельных врагов и как их действия сковали усилия тех, кто пытался восстановить порядок среди Гухилотов. Ратан Сингх погиб в 1531 году, освободившийся трон в Читторе занял Викрамадитья, сын Кармити. Правление его было коротким, формальным и очень печальным. Среди жертв активной политики раны Санги был соседний Гуджарат. Его правитель Бахадур-Шах воспользовался моментом для мести. Он дважды вторгся в земли Гухилотов, второй поход завершился полным разгромом раджпутов. В 1535 году Читтор во второй раз не смог выдержать осаду, его снова потрясла трагедия «шака – джаухара». В жертву принесла себя еще одна ратхорская принцесса Джавахир-Баи, мать пятилетнего Удай Сигха, наследника горькой славы Гухилотов. Спасли только самого Удай Сингха. Только спустя семь лет раджпуты отбили Читтор.

Таков был внешний фон, на котором протекала жизнь Мира Баи в Читторе. Она продолжала бхакти, что не могло нравиться ее новым родичам. Точнее, само по себе бхакти не было чем-то зазорным, вызывающим было только то, что рани из Мерта нарушала в своем служении Господу все правила дхармы. Бхактом был один из самых уважаемых предшественников раны Санги, рана Кумбха. Он по сути дела создал мощь Мевара, превратил в Читтор в первоклассную крепость. При этом он сочинял религиозные гимны – тики во славу Кришны и немало гордился своим служением Господу. Личные пристрастия индуиста к какому-нибудь культу мало волнуют окружающих, пока он исполняет правила дхармы. Рана Кумбха всячески поддерживал культ родового божества Гухилотов Шивы – Экалинга, а то, чем он занимался в свободное

от государственных обязанностей время, было его личным делом. Так было и с Мира Баи, пока ее бхакти не заставило ее нарушить кастовые правила общением с людьми низших каст и неподобающим поведением. По какой-то причине пока ей все сходило с рук.

Тут возникает несколько вопросов, которые в отечественной литературе не отражены, а для биографии Мира Баи имели решающее значение. Я не знаю, был ли Бходжараджа наследником раны Санги. Раджпуты свято блюли майорат и передавали власть и имущество старшему сыну. Исключения бывали, но только в качестве исключения. Более чем вероятно, что Мира предназначалась в жены наследника Читтора, а в перспективе – императора Индии.

Но она овдовела в 1522 году. Как ушел из жизни Бходжараджа, погиб в бою, как приличествовало воину – виру или умер естественной, менее почетной смертью, я также не знаю. Как истинная раджпутка Мира должна была совершить сати. У Мира Баи не было ребенка. Невозможно представить, какая в том состояла трагедия для индийской женщины. Для Мира Баи это обстоятельство также означало, что у нее отсутствовал единственный законный повод остаться в живых, а ее родичам – сохранить ей жизнь. Формально принудить ее к костру никто не имел права, это как бы подразумевалось при замужестве, было негласным условием брачного контракта. Она не взошла на погребальный костер мужа. Сказать, что она оскорбила семью мужа, что она поступилась честью, значит, не выразить сотой доли того, что с этим было связано и что повлекло тяжелейшие последствия для всех участников драмы.

Для тех, кто читает эти строки, слово честь ассоциируется с пышноусыми русскими дворянчиками и почтенными отцами семейств из латино-сериалов, которые укоряют честью своих несчастных заблудших и забеременевших дочерей и тем служат для развития сюжета. Понятно, что отцы потом умилятся при виде внуков и забудут про старозаветную честь ради ангельских малышей. Честь безнадежно устарела и стерлась в ничто в обращении слов за несколько поколений до нас.

Для раджпутов честь и долг значили совсем другое. Они были осязаемы, они имели вес, причем больший, чем жизнь людей, а

тем более жизнь одного человека. На дхарме, долге, держалась вся Индия и никто не имел права снимать с себя эту ношу. Мира Баи разрывала то, ради чего она была рождена, что составляло сам смысл ее существования. Она переставала принимать участие в жертвоприношении, которое составляло жизнь любого индуса, а уж тем более представителя высшей касты. Мира разрешила себе разорвать обряд венчания, который единственно делал ее и мужа личностями в ведическом смысле. Сами по себе они оба были никто, только вместе, буквально связанные во время обряда свадьбы, они становились единым целым, тем, что могло продолжить вечно род людей и вечный обряд во славу богов и предков. Мира Баи уничтожала благую карму своего мужа (и свою тоже), низводила его на возрождении в более низком существовании, а себя саму обрекала на вечные страдания. Кроме того, она ставила род своего мужа на грань катастрофы. Верность мужу и благое поведение жены для раджпутов не было личным делом каждой семьи, поскольку отдельной семьи по традиции они не знали. Вдова наследного принца, отказавшаяся без веских причин последовать за своим мужем, в буквальном смысле оскверняла весь род, лишала благой участи, воинской удачи, пробивала брешь в сакральной обороноспособности и даже могла повлиять на сам факт существования рода. Наоборот, вдова-сати становилась святой, добрым охранительным божеством для всего рода. Земли Раджпутаны в равной мере усыпаны могилами почитаемых героев и не менее почитаемыми стелами с изображением женской руки – места кремации сати. И те и другие есть объект почитания мужества и верности долгу. Нетрудно представить, какой ад прошла Мира Баи.

Живое проклятие пытались уничтожить другим способом. В стихах Миры сохранилось упоминание о том, как ее заставили выпить яд, как заставляли прикладывать к груди корзину со змеями, как укладывали на ложе из шипов, отравленных, надо полагать. Божьим промыслом ничто не смогло умертвить бхакти. Они выпила яд как амриту, змея поцеловала ее, а на колющем ложе она уснула как на розовых лепестках. Насколько добровольно совершала это Мира Баи, неизвестно. Удивляет то, что в ее стихах отсутствует ненависть к убийцам. То ли она как

раджпутка осознавала право клана на свою жизнь, то ли беззаветно предалась своему Божественному возлюбленному и упоминала об этих случаях с простодушием женщины, хвастающейся щедростью и силой своего возлюбленного. Вот, мол, подружка, твой любимый подарил тебе серьги, а мой-то спас меня от верной смерти.

А если отыскать еще один поток жизни Мира Баи? Тогда открывается совершенно невероятная вещь. Что, если все несчастья Гухилотов оказались связаны с попыткой убить Мира Баи, посягнуть на бхакту Господа? Женщина, готовящаяся к сати, обладала невероятной сакральной силой. Она могла потребовать все что угодно, наложить любое табу, могла проклясть клан. Все сбывалось. Триста лет спустя после описываемых событий рана Мевара потребовал от дочери выпить яд. У несчастной прекрасной девушки была одна вина – она была слишком завидной невестой и околосвадебные интриги поставили государство на грань катастрофы. К тому времени «раджпути» сохранилось только в женщинах. Девушка добровольно приняла яд, но прокляла династию на бесплодие, отчего шесть поколений владык Мевара были приемными сыновьями. Могла ли Мира Баи осознанно или нет произнести проклятие? Могла ли воззвать к своему единственному возлюбленному, единственной защите с просьбой защитить ее? Тогда вызывает изумление несопоставимость судьбы одного человека и целой страны перед лицом Господа. Если ее проклятье имело силу, если Господь Миры уберег свою земную любовь, то Он снял с раджпутов Свое благословение. Пугающее совпадение – именно тогда у Бабура зарождалась мысль обосноваться в Индии... Не знаю, насколько осознавали все участники трагедии, какие силы вызвали к действию своими словами и делами...

Мира Баи прошла все и выстояла, она сохранила в измученной душе свою любовь. Можно сказать иначе – любовь сохранила ее. В 1531 году, во время сумятицы с престолонаследием, ей удалось бежать. Ее влекла земля, по которой ступал сам Кришна, где все было наполнено воспоминаниями о Его земном воплощении, где даже трава под ногами прошла миллионы перерождений, прежде чем служить живым ковром для лотосных стоп Господа.

Тут опять требуется пояснение. Вриндаван, в котором Мира

провела пять лет, в те времена не имел ничего схожего с современным городом, заполненным храмами и полностью обустроенным для удобства паломников. Земля Враджа, ее центр Матхура, окрестный Вриндаван и множество других городков и деревень тогда, пользуясь старозаветным выражением, «пребывали в мерзости запустения». Череду мусульманских нашествий превратили некогда процветающий край в местность, где едва теплилась убогая сельская жизнь. Все вайшнавские святыни были или уничтожены, или спрятаны, или вывезены в более безопасные места. В современном Врадже практически нет строений, которые были возведены в до-могольскую эпоху. Только веротерпимость новых пришельцев дала возможность начать возрождение нынешнего священного места.

В 1516 году началась миссия двух Госвами – Шри Рупы и Шри Сантаны. Исполняя наказ Шри Чайтаньи, они заново открыли Врадж как место лил Кришны. Пребывая в экстазе, в образе ближайших гопи Кришны, они шли по леса, оврагам и полям, и видели внутренним взором те места, где некогда Кришна одаривал участием в Своей игре Свои любимые души. В описании их первой парикрамы почти отсутствуют сведения о городах и деревнях. Ночлег предоставляли им деревья и звериные норы, храмами служили хижины и дупла деревьев. К примеру, в купчей на покупку для вайшnavов местности, которая ныне является центром Вриндавана, в качестве межевых примет упоминаются только деревья. Потянувшиеся за Госвами последователи только начали обустраивать Вриндаван, когда там появилась утонченная раджпутская принцесса. Во Вриндаване отсутствовал не только уровень удобств, который приличествовал Мира Баи, там с трудом выживали привычные ко всему отшельники. Тогда во Врадже могли удержаться только люди, для которых дикий пустырь был благоухающим цветущим садом эпохи Кришны и в душе которых постоянно звучала мелодия флейты проказливого пастушка.

Когда Мира пишет о Врадже – она упоминает только детали деревенской жизни. Достаточно сопоставить ее строки с пышными описаниями жизни пастухов Нанды в «Шримад-Бхагаватаме», чтобы не задаться вопросом, чем вызвана такая разница. Стихи Миры резко контрастируют с тоном официальной вайшнавской литературы

по стилю и по набору сюжетов, они как незатейливые звуки тростниковой дудочки по сравнению с торжествующим ураганом звуков органа.

Она жила во Вриндаване до 1536 года, пока ей снова не пришлось бежать от верной смерти, на это раз в Двараку. Вот это обстоятельство подчеркивает, насколько далеко зашло противостояние одинокой женщины и могучего клана. Уже остыл пепел «шака – джаухара» 1535 года, остатки Гухилотов зализывают раны, новому властителю разрушенного Читтора всего шесть лет и он не сможет приблизиться к родному городу еще долгое время. Полный разгром, крушение фантастических замыслов, время собирать по крупицам бывшее могущество, славу и силу, чтобы только выжить – в то же время убийцы преследуют несчастную юродивую, причем не оставляют своих попыток даже на священной для всякого индуиста земле. Такое впечатление, что все мировое зло для Гухилотов персонифицировалось в Мира Баи.

Возможно, преследование подстегивалось политическими мотивами. Как ни хотела Мира быть просто бхактой, о ее происхождении и положении не забывал никто. Существует легенда о встрече Миры с могольским императором Акбаром. Правда, в этом случае даже буйное мифотворчество о Мире как-то тускнеет и упоминает об этом факте вскользь и с неким сомнением. Ничего невероятного в этом нет, Вадж располагался на полпути между двумя могольскими столицами – Дели и Агрой и Акбар сотни раз проезжал мимо Вриндавана, так что устроить такую встречу труда не составляло. Понятен интерес Моголов к личности рани из Мерта, она могла существенно помочь в замирении Мевара, если бы обладала амбициями злосчастной Кармити. Можно представить, как ее пытались сделать символом интриги или похода на раджпутов, что ей сулили за это и чем угрожали. Но легенда осталась легендой, Мира Баи не принимала никакого участия в дальнейшей кровавой истории Читтора. Безвестность Мира Баи как политического деятеля поражает, она сделала почти невозможно – осталось просто человеком в ситуации, когда сама история делала ее символом войны за или против раджпутской Индии.

Далее происходит странная вещь: политика, биография Миры сплетаются со священной историей Кришны. Дварка – последнее

земное пристанище Кришны, город, в котором были развеяны Его земные замыслы и подле которого Он сам согласился прервать свое земное существование, более того город, ставший мифом, ушедший под воду как Китеж-град и также, как Китеж, постоянно напоминающий о своем существовании. И одновременно – территория злейшего врага Гухилотов Бахадур – Шаха. Шпионская служба в Индии была поставлена на высоту еще до Рождества Христова и с тех пор процветала при всех властителях. Все, кому это было нужно, знали, что рани из Мерта, невестка раны Санги, тетка, родная или двоюродная, нынешнего владыки Мевара, живое проклятие Гухилотов, получила прибежище на земле Бахадур – Шаха. Мира Баи не могла стать просто гопи, она до конца была заклеяна титулом раджпутки. И она не могла не понимать, как будет воспринято всеми ее появление в Гуджарате. Она отправилась к своей смерти.

Все это время она сочиняет свои стихи во славу своего Бога, Господа Миры. Ее творчество настолько выбивается из русла традиции, что заставляет снова вспоминать о необычности этого человека.

Стихи Миры – загадка Шекспира наоборот. Существует аргументированное мнение, что Вильям Шекспир по образованию и образу жизни не мог быть сочинителем своих пьес. Настоящий автор (или авторы) был великолепно образован, что совершенно не вяжется с личностью простолюдина, актера-неудачника, коим был Шекспир. Так вот, стихи Миры могли быть сочинены пастушкой, простой деревенской девушкой, в них нет ничего, чтобы обличало жизненный кругозор и образование принцессы.

Женщины раджпутов получали неплохое домашнее образование. Для них однозначно были запрещены Веды и изучение санскрита, но к тому времени новоиндийские языки предоставляли любому желающему массу переложений Махабхараты, сказаний о Кришне, прочей литературы религиозного и светского содержания. Раджпуты были всегда охочи до книг, женщины активно пользовались обширными библиотеками. Дополнительно к тому, женщины царственных династий считались как бы кадровым резервом. В случае смерти супругов они до совершеннолетия сыновей становились регентшами, да и при благополучно

здравствующих и царствующих супругах и сыновьях обладали немалым влиянием. Данное обстоятельство означает, что они были знакомы с санскритской терминологией и философской логикой. В современности философия, скажем, для инженера является балластом памяти. В Индии, где все прикладные науки считались исходящими от единого источника – Вед и имели общее строение, даже бухгалтерию и строительство невозможно было изучить без общего понимания философии. Если раджпутка готовилась к общественной деятельности – она была обязана знать очень много. А Мира дополнительно к тому воспитывалась в среде бхактов, общалась с ними в Читторе, а во Вриндаване имела возможность жить в поэтической и высокоученой атмосфере ближайших последователей Шри Чайтаньи.

Перечисление подвигов Господа Миры на удивление скудно. Она упоминает о спасении Прахлады, о том, что он поднял Гобардхану, победил Кали Нага, спас воззвавшего к нему утопающего слона, укутал бесконечными одеяниями Драупади, то есть бессистемные обрывки рассказов и притч. Такое впечатление, что она всю жизнь провела в глухой деревушке и знакома с Кришной только по изложениям бродячих рассказчиков. Эпитеты, которыми она награждает своего Господа – из этого ряда. Говинд, любимец (защитник) коров, Гопал (пастух), Лал Гопал (любимый пастух), Гиридхар (державший гору)... Куда делось все богатство эпосов, романистов, других бхакти? Словно из казнохранилища, забитого сокровищами, глупая темная женщина выбрала дешевые бусы и тешилась ими как подлинным богатством. Не может не удивлять другое. Господь Миры – просто божок, родовой дух лесного племени, который благоволит к земной женщине и спасает ее от всех бед. Такого ограниченного восприятия Бога нет ни у одного из известных мне поэтов – бхактов.

Бхакти по определению религия бедных, простых и неученых людей, нищих духом, как блюз – музыка бедных по настроению и выразительным средствам. Именно они, отлученные от знания Вед и формальной религии, искали свой путь к Богу и обретали единение с Ним, в служении Ему. Они просто любили Его, для их простой и человеческой любви им был нужен любящий Бог во всех

ипостасях: ребенка, возлюбленного юноши, доброго отца, матери и даже возлюбленной. Но даже бхакты из низов, из самых глухих мест отлично осознавали разницу между предметом их описания и истинным Богом, Богом – создателем, хранителем и разрушителем Вселенной. Они воспевали одну из граней алмаза, доступную их характеру и уровню знаний, немало не сомневаясь, что Бог отражается еще в миллионах граней, недостижимых их чувству и разуму. Иногда в одной строфе встречается восприятие Бога совершенно невообразимые с точки зрения формальной логики, к примеру, теистическое и пантеистическое, или как личности и духовного принципа. Вот эта непосредственность, даже неправильность, свежесть и острота ощущений делает поэзию бхакти столь пленительной, заставляет верить в искренность чувств. Бхакты были любимыми детьми Господа и Он прощал им все. В стихах Миры нет намека на то, что она осознает разницу между своим восприятием Бога и тем, что Он есть на самом деле. Она низводила Бога с пьедестала трансцендентности и укладывала Его рядом с собой на ворох соломы.

Жанр, в котором творила Мира Баи, существовал издревле и, как всё в Индии, был кодифицирован. Обращение к Богу как к неверному возлюбленному, трогательные жалобы подружке или Ему самому, были невероятно популярны. Образ Кришны, любимца гопи, идеально ложился на печальную и возвышенную мелодию сердца, взыскующего любовь и Бога. Можно без преувеличения сказать, что в таком жанре работали миллионы поэтов и всегда находились (и находятся) продолжатели и благодарные слушатели.

Согласно индийским воззрениям, каждое произведение существует в определенной тональности, должно вызывать четко обозначенные эстетические переживания, именуемые «раса». Границы между «раса» нарушать запрещается, смешение «раса» – признак неучености, неуважения великих предшественников и вообще дурного тона.

Мира Баи превратила поэзию в жизнь.

Мира Баи настолько вжилась в свою поэзию, что утратила всякое представление о других «раса», других жанрах и другой жизни. Она из человека превратилась в певчую птичку, которая знает только одну мелодию, заученную с рождения.

Она вернулась к архетипу. Ее стихи могла сочинить только настоящая, подлинная гопи, сверстница Кришны, живущая с Ним за соседним забором и каждый день видящая Его с путами у колодца, которая касалась Его пальцев, когда передавала плошку с молоком или убегала от Его жестоких детских проказ. А потом, однажды, увидела в Нем юношу, мужчину, которому захотела отдать то небольшое, что у нее было – девичью свежесть, узнать Его любовь, а потом рожать от Него детей, взбивать молоко от Его коров и каждую ночь ощущать около себя биение Его сердца. Какая простая и недостижимая мечта!

Взгляд человека иной культуры улавливает в этом незнакомый мотив, который стоит рассмотреть подробнее. Его можно условно назвать мотивом перерождения, воплощения. Расхожая истина – в Индии в новом нет истины, правда есть только в том, что соответствует традиции, седой старине, золотому веку. Чтобы обращаться к другим людям, человек обязан для подтверждения правдивости своих слов основываться на старом, поверенном времени и освященном обычае. Для передачи знания существовала парампара – цепь ученической преемственности, восходящая в конечном счете к Абсолюту, единственному истинному источнику знания. Но это был путь мужчин – брахман, незначительной части населения. От чьего имени могли говорить все остальные? Говорить не об обыденном, не о житейском, а о том, о чем пела их душа, о своей любви к Богу?

В стихах Миры нет четкого упоминания, но она явно представляла себя гопи, причем одной из окружения Кришны. Если это было сумасшествием, то оно было тогда распространено. Ближайшие последователи Шри Чайтании прямо отождествляли себя с гопи, которые милостью Кришны снова снизошли на Землю, чтобы сопровождать «золотую аватару» – Шри Чайтании в земных странствиях. Вриндаван был заполнен теми, кто вымолил себе великое счастье возродиться в облике животного и растения на святой земле, чтобы служить людям и напоминать о Кришне. Первым из них был Уддхава, пожелавший вместо вечного блаженства участь травы во Вриндаване. И сейчас вблизи холма Говардхана показывают место его воплощения. Их смирение и вера воздвигли подлинный храм Кришны, который не смогут превзойти

другие строения пусть даже из чистого золота и перед которым должно склонить колени даже неверующим. Так что Мира пребывала в духовной атмосфере, где все, включая людей и траву, воплощало собой эру Кришны, она словно плыла в мощном потоке, извергнутом из мистического Вриндавана на место его земной проекции.

Только будучи гопи, она имела право говорить с Кришной и о Кришне, только тогда ее стали бы слушать. Сумасшествие – невеликая цена за возможность улыбнуться Богу.

Я припоминаю еще одну историю с тем же счастливым или печальным, как уж кому угодно, финалом. В те же времена, что и Мира, жил Тукарам, еще один поэт бхакти. Бедняк и неудачник, преследуемый брахманами, навсегда остался в новоиндийской литературе вместе с Мирой и другими своими братьями по несчастьям и вере. В пятидесятые года двадцатого века о его жизни сняли фильм. Известный актер Вишнупант Пагнис, воплотивший на экране образ поэта, так из него и не вышел. Он скончался в психушке, до конца оставаясь поэтом-лавочником. Воплощение второй степени, воплощение воплощения... Кем на самом деле были бхакти? Просто поэтами, писавшими песни и стихи, или же их души вспоминали о чем-то другом? Что же придавало им убедительность, которой невозможно противиться? Может, они все на самом деле воплощения тех, кто вечно окружает Кришну?

Мира Баи единственная смогла передать аромат подлинности Вриндавана пяти-тысячелетней давности, смогла заглянуть в то время и описать его. Она единственная смогла обратиться к Богу как соседу, к знакомому мужчине, решилась поведать о своей любви на настоящем, не формальном языке формализованной поэзии. Это могло быть смешно, это можно принять за сумасшествие, но Мира так пришла к своему Господу и вызвала в Нем ответные чувства. Она заслужила Его любовь, заслужила своей жизнью, которая стала поэзией, обращенную к Господу.

Она живет любовью к своему Господу, она живет в Нем. Это чувство не абстрактно, не только духовно. Иной раз она словно вспоминает о прикосновениях горячих ладоней к своему телу, о сладкой истоме настоящей близости. Впрочем, она тут же

возвращается к своей печали. Мира знает удивительную тайну, которая известна только тем, кто любил по-настоящему: боль тоже может быть блаженством, если страдания напоминают о предмете любви, связывают с ним. Она навсегда привязала к себе Кришну своей печалью и своими жалобами. Ничто не может привлечь в человеке Того, у Которого есть все и в избытке. А Мира сделала Его виноватым, обвинила Его в своих муках и Он никогда уже не сможет покинуть ее. Как женщина она сделала безошибочный ход. Как человек, она уничтожила свою жизнь, отказалась от всего личного, что еще оставалось в ней от Мира Баи и рани из Мерта, она полностью отождествила себя с самым любимым для Господа образом – и слилась с Ним самим.

Мира потрясающе одинока среди людей. Упоминаемые в ее стихах подружка, садху – безликие бестелесные персонажи. С таким же успехом она может жаловаться луне или дереву, все равно она не услышит ничего в ответ и не ожидает его. Для нее есть единственный человек, образ, который заслоняет все в ее глазах – ее Господь, ее Гиридхар. Они одни во Вселенной, все, что окружает их – лес и хижины Вриндавана, стены Мевара, поля сражений – не более чем декорации их любви. У Миры не осталось последователей, учеников, не осталось ее воспоминаний или воспоминаний других о ней.

Кроме стихов и легенд, о ее существовании напоминают два храма – один во Вриндаване, другой в Читторе, в преддверии старинного виншутского храма. Мне неизвестно, есть ли другие храмы Мира Баи и чему именно посвящены существующие. Но мне не приходилось слышать о храмах, посвященных индийским поэтам, пусть даже бессмертному Калидасе.

Она растворилась навсегда в океане любви к Господу.

Достигла ли она этим счастья? И да, и нет.

Мире удалось выразить в аллегорических стихах очень редкое состояние души. Для мировой литературы это явление уникальное, потому как среди истинно верующих мистиков поэтов и писателей практически нет, а погруженному в себя, в свои отношения с Богом обычно не до объяснения своих эмоций.

Положение человека, который искренне и без компромиссов верует в Единого Бога и не признает ничего, кроме Него, с

психологической точки зрения очень опасно. Чтобы достичь Бога, он вынужден отринуть все остальное, буквально все. Это плата, кто может – платит по счету, остальные изобретают своего бога. В последнем случае человеку много комфортнее. У него есть уверенность, что между ним и богом стоит множество промежуточных фигур – богов рангом ниже, ангелов, святых и так далее. Какой бы проступок не совершил человек, всегда найдется кому за него похлопотать, пожурить, предложить помощь, замолвить словечко перед самым большим богом. Это как дворня могущественного господина, шумная и требовательная, любящая внешние проявления почтения, но в целом благожелательная к простому человеку и всегда готовая помочь, поддержать, простить мелкие прегрешения. По большому счету это политеизм, каковым на самом деле является религия для 99% верующих.

А одиночки-мониеты вроде Миры оказываются совершенно одни между иллюзиями, которые они успели отринуть и проклясть, и другой иллюзией, в коей они не могут быть до конца быть уверены. Человеку не удастся никогда нигде и ни при каких обстоятельствах ощутить, познать или вывести логическим путем существование Бога. Такова природа Бога и Его твари, Вечного Абсолюта и преходящего разума. Остаток жизни после принятия истинного образа Господа такие люди вынуждены бороться со своими сомнениями, неверием, упадками духа и приступами безверия, потому что все в нашей жизни свидетельствует против нашей веры. И никто им не может помочь. Как это ни странно для нас, в стихах Миры, как и во всем бхакти, непостижимым образом уживается образ Кришны как реального человека, чуть ли не идущего рядом, с безысходным ощущением непостижимости Его. Вот эта недостижимость делает пронзительно трагичной поэзию Миры. Она обречена на страдания, горькие сомнения, бесплодные ожидания, на настоящий ад чувств ради мимолетного облика рая. Но для Миры секунда чаемой встречи с Кришной перевешивает испепеленную жизнь. Она даже может посмеяться над простаками вроде нас, которые не смогли увидеть подлинной жизни, заплатить за нее настоящую цену.

Шестнадцатый век был переломным в мировой истории. В год

рождения Мира Баи, раджпутской принцессы, весь цивилизованный мир представлял собой мозаику мелких феодальных владений, иногда объединенных в рыхлые государственные образования под номинальной властью сюзеренов. В годы ее жизни такой порядок стал меняться, из недр старого общества прорастали семена империй и к 1600 году Евразию поделили между собой могущественные державы. Абсолютистские монархии Западной Европы, могущественная Османская Турция, Сефевидский Иран, Могольская империя и Минский Китай, к которым примыкали малозаметные на первых порах Московия и Япония Токугавов сменили собой пестрое великолепие прежнего мира. Они стали единственными игроками в мировой политике на полтысячелетия вперед. Тем, кто не успел вписаться в процесс, оставалось смириться с участью аутсайдеров, стать полем боя и источником сырья для новых монстров. Индийцам вообще и раджпутам в частности предстояло находить себя в недрах нового социального механизма под названием империя. Все, во что они верили и во имя чего жили, было уже не нужным, обратилось в старый хлам на задворках истории, предмет насмешек в стиле Сервантеса или ностальгии по золотому веку рыцарства в духе Ариосто.

При жизни Мира Баи никто не мог представить исход этой борьбы и тем более отыскать правильную линию поведения. Раджпуты не были Дон Кихотами в залатанных прадедовских доспехах в шлемах из тазов брадобреев на одрах – Росинантах. Навстречу кровавому рассвету империй мчались мужественные воины в ослепительных изукрашенных доспехах, их вели в бой прославленные стяги, им чем защищать и было что защищать. И все же их подвиг был бессмыслен, исход схватки предрешен. Они воевали не с людьми, они боролись с новым социальным порядком, который объединял людей на совершенно других принципах. Моголы перемолотили их в боях так же равнодушно как ветряк сбросил Дон Кихота. Раджпутам предстояло или смириться с новым порядком вещей, становиться винтиками в имперском механизме, или же обращаться в рудименты старой эпохи. Династия Гухилотов прославилась именно последней линией поведения. Даже в середине двадцатого века последний рана Читтора Фатех Сингх до последнего противился новомодным веяниям типа ирригации, прокладке дорог

и просто бухгалтерии.

На этом фоне судьба Мира Баи может служить примером другого сопротивления, явлением борьбы не физической, но нравственной. Она всегда была одна против всех. Ее единственной опорой была вера и любовь. Напрашивается еще одна составляющая всем известной формулы «...и надежда», но вот ее-то Мира в земной жизни обрести не могла. Она бежала от людей, чтобы прийти к Богу. В результате в земной жизни, о которой мы и можем только судить, она осталась одна, абсолютно одна в пустом пространстве между обществом и Господом. Это состояние губительно для общественного животного, коим является человек, но Мира жила так десятилетия и даже находила в этом смысл бытия. Она словно прикоснулась к неведомым нам источникам энергии, она обрела самодостаточность и жизнь там, где обыденное создание видит только разрушение и смерть.

Ответ прост – тело по имени Мира стало душой, бранные составляющие гуны скреплялись воедино и функционировали не волею кармы в круговерти сансары, а тончайшим покровом обрекали вечную душу, атман. Слова Бхагавата «Неуязвим, неопалим атман, неиссушим, неувлажняем; вездесущий, он пребывает, стойкий, неподвижный, вечный» не были для нее цитатой из священного писания. Мира жила душой, она жила для души, для вечного танца дживы с Кришной. И все остальное было для нее неважным, лишним, мешающим. И все остальное, то есть наша жизнь, тяжкие законы бытия и машина государственности не имели над ней никакой власти. Есть приевшееся сравнение истинной души с алмазом, вечным и неуничтожимым. Мира заставила себя превратиться в такой алмаз.

Другая империя, Британская, жерновами артиллерийских батарей, пехотных батальонов и броненосцев, перемолола в очередной раз отвагу индусов, их верность традициям, не дала сбой при тотальном уничтожении тех, в ком не нуждался высокомерный Альбион. Великолепная машина сломалась на одном человеке, таком же одиноким и беззащитным как Мира Баи. Его звали Мохандас Ганди. Народ наградил его прозвищем Махатма, Великая душа. Его душа и была песчинкой алмазной твердости, на котором лопнули стальные английские шестерни. Конечно, не только его,

но и тысяч, миллионов последователей ненасильственного сопротивления. Вряд ли примером для них была именно Мира, скорее в генетической памяти Индии отложился общий образ слабого незащитного человека, бессильного перед имманентно несправедливой властью, но торжествующего над ней благодаря вечной карме, абсолютно справедливому вселенскому закону воздаяния. Воздаяния не в привычном для нас понимании, не в расхожем голливудском хэппи энде, где мускулистое добро всегда торжествует в финале и врасос целует фигуристую блондинку. Победа может быть другой, как в жутком фильме «Танцующая в темноте», победа может быть смертью. Но это все равно победа души, пусть даже ценою плоти.

Мира Баи уходит из земной жизни (уходит ли?) в 1546 году. По одной версии она все-таки была убита раджпутами, по другой – инсценировала свою смерть, сменила имя и исчезла из поля зрения зрителей, по третьей – как настоящую бхакту Кришна забрал ее в земном теле в Свою обитель. Задокументированным остается только факт – видели, как она входила в храм, но никто не видел как она выходила из него. А на статуе Кришны осталось висеть наискось брошенное сари.

Вроде бы и все, пора заканчивать пьесу, опускать занавес. И тут история по чеховским заветам заставляет выстрелить ружье, повешенное еще в первом акте.

Бурная история Читтора за время жизни Мира Баи унесла жизни практически всех, кто мог знать ее как рани из Мерта. Но оставался один человек, свидетель и участник трагедии, с которого она начиналась. Отец Мира Баи, Джаймал Ратхор, был еще жив.

Моголы, используя универсальный принцип «Разделяй и властвуй», покорили большую часть раджпутских княжеств, не считая прочих царств и султанатов. Мевар оставался знаменем сопротивления. В 1567 году великий Акбар направился в поход к Читтору. Удай Сингх знал, что крепость не выстоит и отказался от ее защиты. Иначе как предательством с точки зрения «раджпути» назвать это было нельзя, рана отказывался защищать до последнего и, если требовалось, гибелью подтверждать свою мистическую связь с землей. Новый рана был человеком новой эпохи, он пожертвовал

честью ради идеи, крепостью – ради армии. Забегая вперед можно сказать, что он сделал правильный выбор. Удай Сингх и его приемники развернули непривычную для всех партизанскую борьбу и в конце концов выбили из Моголов почетные условия мира. Раджпуты в конце концов оправдали их и считают кулу Гухилотов единственной, не осквернившейся раболепием перед завоевателями – мусульманами.

А в городе, оставленном раной, оборону возглавил Джаймал Сингх. Он погиб на боевом посту. Предание гласит, что его застрелил из мушкета лично Акбар. Словно судьба, много раз жестоко бившая его, наконец смиростивилась и поднесла ему величайший дар – героическую смерть. Его смерть словно сломала хребет обороны. Так косвенным образом подтвердилась мистическая связь обеих династий, вызванная Мира Баи. Проявилась, чтобы исчезнуть теперь навсегда.

На следующий день были совершены «шака – джаухар». Третий, за всю историю Читтора. По приблизительным подсчетам в Читторе совершили коллективное самопожертвование во имя династии 56 тысяч человек. Блаватская описывала городские подземелья, по колено засыпанные невесомым пеплом. Я не знаю другого места на земле, где словесная формула «кровная связь с родиной» обретала бы такой буквальный и жуткий смысл. Читтор вошел в историю как «крепость – вдова, трижды совершившая сати».

Последний выстрел, последний акт вновь обращает историю в мистику, заставляет прозревать через факты фатум. Никакого смысла в присутствии Джаймал Сингха в Читторе не было. У Мевара почти не оставалось союзников, многие княжества подчинились Моголам или оставались нейтральными, прибавление Мерта к этому списку решительно ничего не меняло. После того как сам рана покинул Читтор, Джаймал Ратхор мог вполне считать себя свободным от всех обязательств по отношению к Гухилотам или свободно последовать за раной. Он не поступился бы «раджпуты». Но он остался, глубокий старик, опытный воин в обреченном на гибель городе. Что подвигло его? Раджпутское слово, традиция, рассматривавшая тестя как входящего в подчинение роду жениха и заставлявшая до конца разделять судьбу новых родичей? Желание наконец-то, спустя десятилетия,

смыть невольный позор с клана Ратхоров, причем смыть своей кровью, кровью родителя, породившего проклятье Гухилотов? Никто никогда этого не узнает.

Никто не узнает, в чем истинный смысл судьбы Мира Баи. Эта история подлинна, она не является сюжетом литературного произведения. В ней нет идей, заранее заданной автором, под который подгоняются персонажи и сюжет. Отсутствует трогательная морализаторская сентенция в конце притчи в духе дедушки Крылова. Никто не объяснит, кто здесь прав, кто виноват, кто добрый и кто злой, кто победитель и кто жертва. Каждый из героев достоин в равной мере проклятия и обожествления. Все зависит от точки зрения. Жестокий рана стихов Миры исторически исполнял миссию защиты индуизма. Если бы не он, если бы не все раджпуты, то, как знать, не вытеснил бы ислам ведизм из Индии и мы бы с трудом находили бы погребенные в толще земли мертвые руины святой веры, как, к примеру, буддийские храмы в Узбекистане? А сама Мира Баи – разве она не предательница, разве ей не стоило вдохновлять защитников индуизма своим мужеством, как ее сестра и прочие родичи? Но язык не поворачивается наделять кого-нибудь эпитетами и социальными характеристиками, производить психологический разбор характеров. Они прожили свою жизнь как смогли, как верили, как получилось. Они прошли свои пути, чего бы им это не стоило. И все-таки иногда при чтении сухих исторических хроник словно разворачиваются между строк неизмеримые дали и становится жутко от прикосновения к сокрытой тайне, вечной тайне Божьего промысла. Что есть жизнь и зачем она дается человеку? И почему иногда жизнь обращается в нечто большее.

От них осталась загадка.

Загадка Мира Баи...

Чем стала ее жизнь? Была ли она безжалостно брошена тряпичной куклой под копыта коней сошедшихся в битве раджпутов и мусульман? Несчастливая изломанная судьба в грязи и крови... Или жизнь баюкала ее? Словно Господь бережно держал девочку на ладони и прикрывал другой ладонью от дуновения ветерка, как огонек свечи, а однажды бережно загасил огонек жизни нежным

поцелуем...

Что и когда могло изменить ее судьбу? Что, если бы у нее был ребенок? Оставила бы она Кришну ради новой крошечной жизни, погребла за новыми приятными материнскими хлопотами девичью влюбленность? Что, если бы дхарма победила в ней бхакти? Знали бы мы тогда Миру и ее Господа? Как повлияло бы на ее судьбу то, если бы ее муж остался и жив и стал императором Индии?

По каким критериям судить ее?

И вообще имеет ли значение земной путь, если в конце концов кроме горсточки праха остается память о нескольких строках. Словно человечество – океан, на поверхности которого вздымаются волны – отдельные люди, бурлят, сталкиваются, чтобы наконец угомониться в смерти и слиться с толщей вод. И вот однажды волна выплескивает на небосвод несколько строф и они остаются навек сиять светом звезд, вечным и неизменным. Какой контраст – волна, чья жизнь длится не больше вздоха, и вечность, отраженная в звездах. Как удастся волне достичь звезд, как удастся человеку обратиться в вечность?

МИРА БАИ – выдающаяся индийская поэтесса, занимающая особое место в лирической поэзии бхакти. Ее песни-пады вошли в золотой фонд литературы хинди, раджастанской и гуджаратской. В

стихах Миры Баи, многие из которых исполняются как народные любовные песни, раскрывается чувство безграничной и вечной любви, свободной от кастовых оков и общепринятой морали. Идентифицировано около двухсот песен-падов, но достоверно определить какие песни действительно принадлежат Мире Баи, не представляется возможным. (1499-1547).